

Т.А. Сироткина
Пермь

Этническая составляющая языковой личности в системе этнонимов Пермского края

В настоящее время лингвистика активно интересуется когнитивными аспектами языка. Она направлена на человека, его сознание, деятельность. В связи с этим немалую роль в концептосфере языка играет концепт «этнос» и все его составляющие. По мнению ученых, занимающихся когнитивной лингвистикой, концепт (понятие, погруженное в культуру) имеет имена в языке [Маслова, 2004: 39]. Исходя из этого, концепт «этнос» в языке жителей Прикамья имеет много различных имен: *пермяки, русские, татары, чудь* – это разные слои данного концепта, «осадок» культурно-исторической жизни разных эпох. Изучив не только словарное значение данных имен, их этимологию, но и ассоциативные связи, коннотацию, мы сможем представить себе локальную картину мира жителей ограниченной территории.

Языковая картина мира жителей определенной территории во многом едина, но, безусловно, имеет «национальную окраску». Так, ядро концепта «этнос» в языке жителей Прикамья, независимо от национальной принадлежности, будет общим. Его составят такие этнонимы, как *башкиры, русские, удмурты, коми-пермяки, татары*. На периферии же данного концепта могут находиться те единицы, которые являются национально-специфическими и образуют более мелкую подсистему в системе именованых этносов. Для удмуртов, например, это будут названия родов: северноудмуртского апья (от данного этнонима образован ойконим Абия в Чердынском районе), южноудмуртского бодья (ойконим Бодья в Гаинском и Юрлинском районах).

Языковая картина мира человека, как известно, во многом зависит от специфики национального сознания. В этом отношении на первый план выходит этническая составляющая языковой личности: личности номинатора и личности номинируемого. В каких отношениях могут находиться эти языковые личности?

1. Личность номинатора может противопоставляться личности номинируемого через оппозицию «свой» - «чужой».

Представители определенного этноса всех других считают «не такими». Например, слово *нерусский* имеет значение «не

такой, как все, плохой, бестолковый, злой»: «У нас на работе палец отпилили пилой, стали разбирать-то, уш нерусский - так нерусский: так и есть, раззява» (д. Акчим Красновишерского района).

Синонимичным слову нерусский в данном значении являются этнонимы *татарин*, *вотьяк*, *вогул*: «Зачем собаку-то он бил? Вот татарин он де-ка» (д. Жуланова Соликамского района); «Ето которой по-русски говорить хорошо не умеет, вот и вотьяк»; «У нас, который оденется плохо, ругают: вогул ты» (д. Акчим Красновишерского района).

Точно так же у татар или коми-пермяков этноним *русский* может иметь отрицательную коннотацию: «Татары своих равных и причудливых людей зовут русскими [Мельников 1976: 151]; «Пермяки... очень нечистоплотны. Если попадетя обиходная женщина в семью, то «большаки» бывают ею недовольны и ругают ее «обиходкой», «русской» [Камасинский 1905: 19].

2. Личность номинатора и личность номинируемого могут образовывать системы, толерантно существующие в языковом сознании. Об этом свидетельствуют, например, бытующие в народной речи поговорки: «Чуваши - люди наши»; «Хоть зюздяк, хоть вотьяк, все люди».

В сознании личности номинатора могут происходить разные процессы, отражающие языковую картину мира, например:

а) расширение этнического пространства «чужого» этноса: «Вогула живут в юртах, а зыряна-то тоже вогула»; «Вотьяки они тоже наверно зыряна, наверно, вотьяк - и те, и другие» (д. Акчим Красновишерского района);

Не различались в сознании русских коми-пермяки и коми-зыряне. Еще в конце XIX в. историк Н.К. Чупин, исследуя население Пермской губернии, отмечал, что «русские зырян, обитающих в Пермской и Вятской губерниях, называют пермяками» [Чупин 1876: 502].

б) перенесение свойств и качеств «чужого» этноса на представителей своего: «Сосед-то у меня шибко тунгусливой, слова от него не дождешься» (д. Усть-Гаревая Добрянского района);

в) присвоение исключительно положительных качеств отдельной части своего этноса. Так, русских, являющихся коренными уральцами, называют *челдоны* - в противоположность *ка-*

цапам - выходцам из центральной России. Слово *челдон*, функционируя в живой речи Прикамья, имеет значение «настоящий русский». Существуют выражения *челдонская баня* - русская баня, *челдонские щи* - русские щи: «В челдонскую баньку - в русскую значит»; «Шти-те челдонские беда хороши мне»;

Интересно, что в новгородских говорах слово *чалдон* имеет много других значений: «*Чалдон*. 1. Перен. Голова. У меня голова как худой чалдон, и тут чалдон не соображает. 2. Ленивый человек. Чалдон - это леной, недоукий человек. О какой чалдон! 3. Упрямый, непослушный человек. Вы хоть чалдона воспитывайте, он он чалдоном и будет. *Чалдончик*. Внебрачный ребенок. Чалдончик - выблядок. Барканчик, что чалдончик» [Новгородский...1995: 12: 37].

г) именование «своих» с оттенком иронии. Бытует в русских говорах Прикамья фразеологизм «обуть в русские лапти» - обмануть, перехитрить»: «Я говорю Наталье: обуёт она Татьяну в русские лапти» [Прокошева 2002: 243].

Известно, что «самоидентификация личности и коллектива для достижения идентичности развивается на основе этничности - объективных явлений, которые присущи только данному обществу людей: язык, менталитет, материальное и духовное наследие, знания об этногенезе и особенностях этнокультурного развития и др.» [Чагин 2002: 214]. При этом каждый народ знаком не только с этнокультурным развитием своего этнического коллектива, но и с особенностями традиций и культуры соседних этносов. Так, из поколения в поколение у русских передаются сведения о населявших север Прикамья *манси (вогулах)*: «А вот вогульё раньше-то, деды сказывали, дэк оне раньше ни соль не знали, ни чё. Мясо берут в зубы, ножом так его р-раз» (д. Акчим Красновишерского района).

Представители соседних народов имеют и внешние отличия, что, безусловно, отражается в народном сознании: «Личность такая мариец. Глаза узкие. С женой был» (д. Акчим Красновишерского района).

Образы соседних народов, по мнению Д.К. Зеленина, воплощаются в народных сказках. В предисловии к сборнику «Великорусские сказки Пермской губернии» он отмечает: «Один и тот же сказочный образ в разные эпохи народной жизни понимался,

конечно, различно; мы не касаемся здесь вопроса о первоначальном возникновении и понимании образов (быть может, мифологических) Бабы-Яги и других подобных; но что современные пермские сказочники из народа склонны отождествлять Бабу-Ягу и царевну-лягушку с соседними остяками или вогулами, а Самого с ноготь - борода с локоть или Харка Харковича с соседними же киргизами и башкирами, - то некоторые намеки на такое понимание я получил от самих же сказочников» [Зеленин 1991: 11].

В.А. Маслова, рассматривая элементы языковой картины мира, пишет, что «принадлежность к конкретной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в данном обществе. Стереотип – это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя «своим и одновременно опознать «своего» [Маслова 2004: 59].

Немногочисленный этнос *коми-язвинцы*, населяющий север Прикамья, до настоящего времени сохранил свою культуру именно благодаря бережному отношению к своему языку. Противопоставляя свой язык близкому коми-пермяцкому, они без труда отличают «своих»: «Наш язык с коми-пермяками не сходится, слова есть разные. У них ударение другое, какое-то большое, нам его трудно понять»; «У нас заяц нимал, а у коми-пермяков кэч, у нас прялка коба, а у них печкан» [Чагин 2002: 113].

Языковые отличия могут присутствовать внутри одного народа, и тогда происходит деление на этнические группы: «Чердынский уезд занимает очень большое пространство... Заселен уезд пермяками и русскими. Пермяки составляют половину всего населения уезда. По наречию эти пермяки называются «чердынскими» в отличие от пермяков Соликамского уезда, называемых «иньвенскими» [Шапов-Косинский 1909: 1]. И, наоборот, «свои» говорят одинаково: «Вот мы-то люди русские, у нас по Вишере разговор однакой» (д. Акчим Красновишерского района).

Познание «своих» и «чужих» может происходить не только на основе языковых различий, но и на основе различий религи-

озных. Старообрядцы в народном сознании - это отдельный народ, «как нация». Слово *кержак*, как и многие этнонимы, имеет переносное значение - «упрямый, замкнутый человек, а также скупой» [Шумилов 1991: 51].

Отсутствие твердой христианской веры получает у русских отрицательную оценку. Недаром жителей д. Коми-Березовка, предки которых на рубеже XIX - XX вв. Переселились их коми-зырянского с. Усть-Нем (бассейн Вычегды), соседнее русское население называло *лопарями некрещеными* за то, что подобного населения, к тому же и не посещавшего храмы, не было.

Это неприятие чужой веры христианами и в прошлые века описывают пермские авторы в художественных произведениях: «Что немцы-еретики, что пермяки-язычники одинаково вместо ликов статуям идольским молются» [Иванов 2002: 95].

По мнению Е.Л. Березович, «в ономастической картине мира воплощается характер культуры каждого этноса и каждого человека-исследователя» [Березович 1998: 14]. То же можно сказать и об этнонимической картине мира.

Какая же культурно-историческая информация содержится в системе пермской этнонимии?

Во-первых, информация об этнической истории, к которой относится «истории народа со времени его формирования как этнической общности [Агеева 2000: 421]. Например, уже в самом этнониме *коми-язьвинцы* мы видим ареал формирования этого народа: «Предки коми-язьвинцев в X – XV вв. занимали обширную территорию междуречья Камы, Вишеры, Колвы. Как установили археологи, по реке Язьве они имели селище у д. Егорова и могильник у д. Суянкова (невдалеке от г. Красновишерска)» [Чагин 2002: 3]. Однако коми-язьвинцы – термин научный. Самоназвание данного народа – *пермяки*. Оно отражает связи данного этноса с родственными народами – коми-пермяками и коми-зырянами.

Во-вторых, информация о социальной жизни. Особо ярко она отражается в названиях этносоциальных групп. Например, *тептяри* – отдельный, сословный разряд крестьян. «Список Пермской губернии» за 1969 год выделяет черемис-тептярей (Красноуфимский уезд – 6.174 души) и вотяков-тептярей (Осинский

уезд – 393 души), остальных же считает в числе других народностей. Перепись 1897 года насчитывает 5. 295 тептярей, по тем же двум уездам, не упоминая их происхождения.

Наконец, информация о духовной культуре. Сгустками народных представлений об этике, морали, нравственных ценностях являются фразеологизмы, пословицы, поговорки. Они отражают как ироническое, насмешливое отношение к «чужим», так и толерантность, терпимость к тем, кто живет рядом.

О том, что представление человека в языковой картине мира во многом складывается и из принадлежности его тому или иному народу, говорит то, что этнонимы, наряду с антропонимами, входят в состав формул именованья. Приведем примеры таких формул:

- Существительное «люди» + этноним:

«Выбегали де с Москвы... многие *люди литва*» (Словарь пермских памятников, II, с. 34); «Велено переписать и разобрать тех городов пехотного строю всяких чинов *людей русских* и татар и мордву» (Словарь пермских памятников, III, с. 67).

Данную формулу можно отнести к устаревшим, она встречается исключительно в памятниках.

- Местоимение + этноним:

«Собиравшись ходили в тое деревню Истекаеву чая *их баширок* поймать и пожитки обравши принесть на Кунгур» (Словарь пермских памятников, I, с. 22); «Из улусов своих *они калмыки* жен своих и детей отпустили за реки Яик в дальние места» (Словарь пермских памятников, II, с. 146); «*Эти зырянё* – они ведь на Печоре больше всё»; «Зимой стыдится *эта зыряночка*, улеглась в сених спать» (д. Акчим Красновишерского района).

- Прилагательное + этноним:

«Ездили к вишерским вогулам» (Словарь пермских памятников, I, с. 93); «Чуть повыше Усть-Улс, там и есь *форменные вогулы*» (д. Акчим Красновишерского района).

- Слово «как» + этноним (этноним в составе сравнительного оборота):

«Да только с ножки на ножку как вогула скачот» (д. Акчим Красновишерского района); «Живем, как вогулы, ругамся,

грешим, переговаривам, вот дождя и нет» (д. Акчим Красновишерского района).

- Этноним + рифмующийся компонент (в поговорках):

«Вотяки – бурлаки» (д. Акчим Красновишерского района).

- Этноним + имя:

«Был один *зырян Миколка*» (д. Акчим Красновишерского района).

- Этноним + имя + фамилия:

«На Ирени юрты: Аккильдея Губаева, Бептея Бахтемирова, *мордвина Толсары Сичемасова*» (Переписная книга Михаила Кайсарова, 1623 // Шишонко, II, с. 254).

- Этноним + название местности:

«*Вогулы с Усть-Улса* такие, как и мы, русские, да вогулы прозвишко у них, а так – какие они вогулы» (д. Акчим Красновишерского района).

- Этноним + название местности + имя + фамилия:

«Извещая на Уфе в приказной избе ему князю Андрею *башкирятин Сибирские дороги Белекейко Тойгелдин*» (Словарь пермских памятников, I, с. 22).

Как отмечают историки и этнографы, в культуре контактирующих этносов присутствует образ соседнего народа независимо от конкретных личных контактов. Так, участникам одной из экспедиций в Бардымский район «бабушка-татарка с интересом и знанием дела рассказывала, чем русские отличаются от татар, выделяя даже мелкие детали. В дальнейшем выяснилось, что русских она лично никогда не видела и, соответственно, никогда не бывала в русской деревне» [Черных 2001: 35].

Соответственно, и предметы быта, которые характеризуют тот или иной народ, получают этническое определение. Существуют *русская баня, русский сарафан, русский танец*, наряду с ними в сознании русского человека живут свойственные соседям *татарские платки, татарские носки, татарские галоши*: «русские в с. Калиновка Чернушинского района старались никогда не вязать белых шерстяных носков. Белые носки считались татарскими: *в таких носках только татары ходят*» [Черных 2001: 36]. Точно так же для

татар женщина, завязавшая платок «на три угла» (а не на два, как у татар), будет названа с упреком *русской*.

Таким образом, этническая составляющая языковой личности - интересная и важная для исследования проблема, особенно если имеешь дело с этнонимическим материалом. Изучение ее дает нам представление о том, какие процессы, отражающие языковую картину мира, происходят в сознании личности номинатора, а также о том, как в речевых фактах отражается личность номинируемого.

Литература

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 1998.

Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. М.: Правда, 1991.

Иванов А. Чердынь - княгиня гор. - Пермь, 2002.

Камасинский Я. Пермьяки-инородцы // Камасинский Я. Около Камы. М., 1905.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск, 2004.

Мельников П.И. (А Печерский). В лесах // Мельников П.И. Собр. Соч.: в 8-ми т. Т. 4. М., 1976.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь, 2002.

Чагин Г.Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. - Пермь, 2002.

Черных А.В. Русские и татары Прикамья: межэтническое взаимодействие // Живая старина. – 2001. - № 2.

Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Вып. 3. – Пермь, 1876.

Шапов-Косинский П. По Чердынскому краю. - СПб., 1909.

Шумилов Е. Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки. - Пермь, 1991.

© Сироткина Т.А., 2005